Л.А.Киселева
Башкирский государственный университет

Образ homo sentiens в языковой картине мира: направления лингвистического моделирования

языковая картина мира, эмоции, эмотивность, этнокультурная специфика языковых единиц

Важнейшим объектом исследования в рамках современной лингвистической парадигмы, определяемой в таких терминах, как «антропоцентризм», «экспансионизм», «функционализм» и т.д., является языковая (наивная) картина мира (далее – ЯКМ), в соответствии с которой говорящий организует содержание высказывания в том или ином естественном языке [Урысон 2003: 9]. Очевидно, что картина мира, зафиксированная в том или ином языке, характеризуется индивидуальным набором универсальных и идиоэтнических компонентов, их специфическим соотношением, взаимосвязью и т.д. Традиционно в качестве элементарных составляющих ЯКМ выделяются лингвокультурные концепты, выражаемые посредством так называемых «ключевых слов», которые нередко образуют оппозиции типа «свобода» – «воля», «правда» – «истина», «тело» – «душа» и т.п. Следует подчеркнуть, что, несмотря на наличие ряда работ, в которых анализируются важнейшие фрагменты русской ЯКМ [см., например, Шмелёв 2002], инвентарь её компонентов и структура изучены не в полной мере. В частности, недостаточно исследованными можно считать закономерности языкового представления homo sentiens («человека чувствующего»). Отражая особенности национальной психологии и менталитета в целом, средства номинации, описания и выражения эмоций являются едва ли не самым культурно специфичным фрагментом ЯКМ и тем самым противостоят другой знаковой системе репрезентации основных эмоций – «телесному языку» (body language), который, по мнению отдельных психологов, носит универсальный, кросс-культурный характер [Изард 2003: 31]. Именно своеобразие вербальной интерпретации внутренних переживаний позволяет некоторым исследователям, например А.Вежбицкой, вести речь о так называемых «культурных сценариях» базовых эмоций гнева, страха и т.д., сложившихся в рамках тех или иных социумов и варьируемых от языка к языку [Вежбицкая 2001].

По нашему мнению, анализ особенностей репрезентации образа homo sentiens в ЯКМ представляет большой интерес по следующим причинам.

А. Совершенно очевидным является несовпадение указанных «культурных сценариев» эмоций, отражающих различные механизмы их когнитивного структурирования, зафиксированные в том или ином языке. Этот факт подтверждает мнение психологов о том, что адекватное восприятие экспрессии тех или иных эмоций представителями разных культур обусловлено возможностями языка, которым они пользуются для этой цели [см. Вежбицкая 2001]. С этой точки зрения весьма важным можно считать анализ отражения в ЯКМ иерархической структуры эмоциональной сферы, а также репертуара доминирующих эмоций, характерных для носителей того или иного языка в определённый период. Не вызывает сомнения тот факт, что национальная эмоциосфера подвержена постоянным изменениям, характер которых определяется целым комплексом внешних факторов (социально-экономических, политических, культурных и т.д.). Вместе с тем можно отметить и определённые константные черты эмоционального мира этноса, которые до некоторой степени обусловлены типологическими характеристиками соответствующей культуры. Так, с известной оппозицией «индивидуализм/коллективизм» прямо соотносятся некоторые различия в эмоциональной структуре разных этносов и наборе доминантных эмоций.

Г.М.Бреслав, к примеру, отмечает, что в эмоциональной сфере японцев представлены такие явления, не имеющие языкового эквивалента в европейских языках, как «амаи» (ожидание благодеяния от другого, чувство пассивной зависимости), «сугари» (желание опереться на другого) и др., которым приписывается явно положительное значение в японской культуре, но отрицательное – в американской [Бреслав 2006: 449-450].

Б. Следует учитывать лексическую и семантическую лакунарность, которая в сфере обозначения и выражения эмоций является наиболее ощутимой [Шаховский 1996: 86] и может носить как внутриязыковой, так и межъязыковой характер. К примеру, в русском языке заполнение лексических эмотивных лакун связано с тем, что отсутствие глагольных форм в некоторых микрополях возмещается с помощью устойчивых сочетаний (ср.: ***неприязнь***, ***вина***, ***удовольствие*** – ***испытывать неприязнь***, ***вину***, ***удовольствие***). Устранение семантических лакун происходит, в частности, за счёт того, что многие эмотивные фразеологизмы имеют самостоятельную познавательную ценность: они содержат в своей семантике такие компоненты, которые не входят в предметно-логическую часть значения лексических эмотивов, следовательно, дескриптивным путем передают некоторые второстепенные смыслы. К примеру, значительная часть идиом описывает разнообразные внешние (соматические, мимические, кинетические и т.д.) признаки эмоций, которые не обозначаются однословными номинациями (ср. русс. ***кровь леденеет в жилах***, ***коленки дрожат***, ***ног не чуять под собой от радости*** и т.п.).

Что касается перспективных направлений лингвистического моделирования образа «человека чувствующего», отражённого в ЯКМ, то в связи с ограниченным объёмом работы мы хотели бы остановиться лишь на некоторых из них.

1. Поскольку для адекватного описания наивной картины мира принципиальное значение имеет учёт семантики не только лексико-фразеологических единиц (имён лингвокультурных концептов), но и грамматических категорий, то при исследовании особенностей репрезентации homo sentiens представляется необходимым строгое разграничение двух видов вербализаторов эмоционального содержания: эмотивных единиц (лексико-фразеологических обозначений внутренних переживаний) и эмотивных средств (морфологических, синтаксических, интонационных и т.д.). Что касается первого класса эмотивов, то в отечественной лингвистике отмечался неоднократный «всплеск» интереса к названиям эмоций ввиду особой языковой представленности последних в сравнении с другими реалиями действительности. В настоящее же время наиболее продуктивными подходами к изучению эмотивной лексики и фразеологии являются когнитивный (в его метафорической и сценарной разновидностях) и внутрисистемный (понятийный). К примеру, в последние два десятилетия ведётся активное исследование метафорических моделей, лежащих в основе вторичной лексики эмоций [Калимуллина 2009; Коберник 2007; Лю 2011 и др.]. Одна из основных задач данного направления – выявление типов семантической мотивации, которая отражает связь метафоры, обозначающей симптоматику эмоций, с тем или иным внутренним состоянием. Сценарный (ситуативный) подход к описанию эмотивной лексики также довольно широко представлен в работах отечественных лингвистов [Шаховский 2002 и др.].

2. В последнее время можно наблюдать расширение исследовательских интересов и их постепенное смещение в сторону анализа многообразных эмотивных языковых средств (грамматических, интонационных и т.д.). К примеру, сделаны определённые шаги в изучении синтаксических манифестантов эмоций [см., например, Пиотровская 1994], однако, как представляется, подобные эмотивы должны рассматриваться в единстве с единицами других уровней, участвующими в языковой объективации чувственной сферы. Перспективным направлением исследования эмоционального фрагмента ЯКМ является также анализ интонационных средств, ко-

нечной целью которого может быть установление закономерностей выражения эмоций субъекта, с одной стороны, и психологического воздействия на реципиента – с другой.

3. Весьма важным можно считать обращение к эмотивному аспекту целостного текста. В этом случае актуальным является, во-первых, комплексный анализ всех представленных в тексте эмотивных единиц и средств; во-вторых, исследование его эмоциогенного потенциала; в-третьих, установление соотношения использованных в тексте эмотивов и средств описания невербального выражения внутренних переживаний. Очевидно, что благодатным материалом для таких исследований выступает прежде всего художественный текст, который в силу своего идейно-эстетического своеобразия нацелен на максимально полное, объёмное воспроизведение эмоциональной жизни человека. Вместе с тем, если придерживаться психолингвистической теории панэмоциональности, согласно которой любое слово в индивидуальном языковом сознании является эмоционально нагруженным, то можно утверждать, что эмотивный план присущ текстам самой разной стилистической и жанровой принадлежности.

4. Ещё одно перспективное направление исследования репрезентации homo sentiens в ЯКМ связано с анализом взаимодействия эмотивных и эмоциогенных ресурсов, т.е. языковых манифестантов эмоций, с одной стороны, и средств эмоционального воздействия – с другой. Если иметь в виду эмотивный потенциал разных языков, то этот вопрос является весьма сложным, и утверждения учёных относительно степени «эмоциональности» того или иного национального языка, несомненно, нуждаются в верификации. Так, широко цитируемое высказывание А. Вежбицкой о высокой степени «эмоциональности» русского языка действительно подтверждается эмпирическими данными, в том числе статистического характера: так, по нашим наблюдениям, одни лишь фразеологические эмотивы включают в свой состав около 1000 единиц, не говоря уже о лексических их наименованиях. Вместе с тем необходимо учитывать, что лексические эмотивы являются неоднородными, и с большой долей вероятности во всех языках можно выделить, как минимум, три группы таких единиц: 1) эмотивы-номинативы (наименования эмоций типа русс. ***радость, бояться, презирать, весело*** и т.п.); 2) эмотивы-коннотативы, иначе экспрессивы (эмоционально окрашенные слова, эмоционально-оценочные слова и т.п., например русс. ***кляча*** – о человеке); 3) эмотивы-аффективы (междометия, бранные слова, обсценная лексика и т.п.).

Литература

Бреслав Г.М. Психология эмоций / Г.М.Бреслав. – 2-е изд., стер. – М.: Смысл; Издательский центр «Академия», 2006. – 544 с.

Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики / А.Вежбицкая. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 272 с.

Изард Кэррол Э. Психология эмоций / Э.Изард Кэррол. – СПб.: Питер, 2003. – 464 с.

Калимуллина Л.А. Метафорический образ эмоций в славянских языках: опыт сопоставительного анализа / Л.А.Калимуллина // Славянские языки и культуры в современном мире: Материалы Международного научного симпозиума. – М.: МГУ, 2009. – С.9.

Коберник Л.Н. Чувства и эмоции в интерпретации русской диалектной метафоры: на материале говоров Среднего Приобья: дисс. ... канд. филол. наук / Л.Н.Коберник. – Томск, 2007. – 176 с.

Лю Ц. «Водная» и «огненная» метафоры эмоций в русском и китайском языках / Ц,Лю // Грани познания. – 2011. – №4(14). – С. 63-65.

Пиотровская Л.А. Эмотивные высказывания как объект лингвистического исследования / Л.А.Пиотровская. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994. – 145 с.

Урысон Е.В. Проблемы исследования языковой картины мира: Аналогия в семантике / Е.В.Урысон. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 224 с.

Шаховский В.И. Эмоциональные культурные концепты: параллели и контрасты / В.И.Шаховский // Языковая личность: культурные концепты. – Волгоград – Архангельск: Перемена, 1996. – С. 80-96.

Шаховский В.И., Жура В.В. Дейксис в сфере эмоциональной речевой деятельности / В.И.Шаховский, В.В.Жура // Вопросы языкознания. – 2002. – №5. – С.38-56.

Шмелёв А.Д. Русский язык и внеязыковая действительность / А.Д.Шмелев. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 496 с.